

УДК 82.1
ББК ШЗ

Г.А. Сорокина

**ПОВЕСТЬ ВС. ИВАНОВА «ВОЗВРАЩЕНИЕ БУДДЫ»:
ИДЕИ РЕВОЛЮЦИИ И БУДДИЗМА**

Статья представляет анализ малоизвестной повести советского писателя Вс. Иванова «Возвращение Будды», которая посвящена событиям Гражданской войны в России и революционным событиям в буддийской Монголии, распространившимся там под влиянием русских революций 1917 года. Повесть, насыщенная буддийскими образами и символами, является одним из самых загадочных произведений Иванова, так как соединяет в себе идеи революции, буддизма и авантурные приключения. Автор статьи приходит к выводу, что особенностью повести является необычный, негероический образ революции, что не соответствует критериям, принятым в советской литературе.

G.A. Sorokina

**THE NOVEL BY VS. IVANOV «THE RETURN OF BUDDHA»:
THE IDEAS OF REVOLUTION AND BUDDHISM**

The article presents analysis of the novel by Soviet writer Vs. Ivanov «The Return of Buddha», which has not been very well studied yet. It is devoted to the events of the Civil War in Russia and revolutionary events in Buddhist Mongolia that was under the influence of Russian revolutions of 1917. The novel contains many Buddhist images and symbols and is considered to be the most enigmatic works by Ivanov, because it connects the ideas of revolution, Buddhism and adventures. The author of the article has come to the conclusion that the novel's peculiarity is an unusual, non-heroic image of revolution which doesn't correspond to the criteria of Soviet literature.

Ключевые слова: Вс. Иванов, повесть «Возвращение Будды», революция, Гражданская война, буддизм.

Key words: Vs. Ivanov, novel «The Return of Buddha», Revolution, Civil War, Buddhism.

Приближающаяся 100-летняя годовщина революций 1917 года является важным стимулом для того, чтобы с позиции исторической дистанции подвергнуть осмыслению литературные произведения, авторы которых уже в двадцатые годы XX века по горячим следам стремились отразить события революций и Гражданской войны. Среди таких произведений следует назвать повесть Д.А. Фурманова «Красный десант» (1922), его романы «Чапаев» (1923) и «Мятеж» (1925), сборник новелл И.Э. Бабеля «Конармия» (1926), первые публикации романов «Хождение по мукам» А. Толстого (1921–1928), «Жизнь Клима Самгина» М. Горького (1925–1928), «Белая гвардия» М. Булгакова (1922–1924), «Тихий Дон» М. Шолохова (1925).

В это же время Всеволод Вячеславович Иванов (1895–1963) написал несколько ярких произведений революционной тематики. Среди них следует назвать такие повести, как «Партизаны», «Цветные ветра» (обе – 1921), «Бронепоезд 14-69» (1922). Они стали классикой советской литературы. О революционной теме в ранних произведениях Иванова писал В. Шкловский: «Всеволод Иванов мужественно грызет революционную тему. У него литература в крови, и любопытно смотреть, как художник бессознательно экспериментирует над задачей, которую нельзя решить, взявши

тему атакой в лоб» [1, с. 287]. Именно такой творческий метод непрямого, сложного и многопланового освещения темы революции Иванов использовал в повести «Возвращение Будды». Опубликованная в 1923 году она на многие годы оказалась забытой и вернулась к читателям только в 1958 году во втором томе собрания сочинений писателя. В 1995 году на основе этой повести был создан фильм в жанре мистической психологической драмы «Возвращение Будды» (режиссер А. Бруньковский).

Повесть Иванова постепенно входила в сферу научных исследований. Анализ произведений Иванова нашел отражение в работах представителей русского зарубежья Д.Святополк-Мирского, М.Слонима, Г.Адамовича, М.Осортинна, П.Милюкова и других. В 1931 году Н. Милюков, говоря о Вс.Иванове, отмечал его жизненный и боевой восточный опыт как значимый факт биографии молодого писателя [2, с. 370].

Прежде всего, следует отметить известного русского историка и литературоведа Д.П. Святополк-Мирского. В своем фундаментальном труде «История русской литературы с древнейших времен по 1925 год», написанном на английском языке и изданном в Англии в 1927 году, он пишет о Вс. Иванове как малоизвестном писателе, мастерски описавшем во многих своих произведениях, включая «Возвращение Будды», Гражданскую войну в Сибири [3, с. 800, 801].

Среди литературных критиков русского зарубежья к творчеству Вс. Иванова обратился Марк Слоним, который об истоках его творчества писал: «Биография Иванова отражается и в его творчестве. Он сразу начал говорить о том, что видел и пережил – и вместе с ним в молодую пореволюционную литературу вошел жестокий и трудный мир гражданской войны и бурных народных движений. <...> Действие рассказов и повестей Вс. Иванова первого периода его творчества развертывается постоянно на русском Востоке: в Сибири, в Монголии, на границах Китая, в азиатских степях и равнинах. Он точно задался целью описать этот полудремлиющий мир, в котором встретились под русским влиянием Азия и Европа. Он именно к Евразии обращен...» [4, с. 63–64].

Интересно предисловие-комментарий Т. Ивановой к повести, опубликованной в 1991 году. Автор называет повесть «загадочной», имея в виду, прежде всего, ее восточный пласт [5, с. 7]. Эта «загадочность» и «странность» как повести «Возвращение Будды», так и других произведений Иванова отмечается и в работе И.В. Кирилловой, которая подчеркивает, что только в последние десятилетия XX века писатель был открыт как большой русский художник, мастер философской и психологической прозы, создавший неповторимый авторский стиль [6, с. 44]. Большое, этапное значение повести «Возвращение Будды» в творчестве Вс. Иванова отмечается в статье Е. Краснощековой, которая отмечает, что в этом произведении произошла резкая смена творческой манеры: от описания партизанской вольницы писатель переходит к изображению тонких нюансов человеческой психологии, человеческого подсознания [7, с. 141]. Из современных авторов, в работах которых большое место занимает анализ буддийских идей, содержащихся в повести, следует назвать статью Е.А. Папковой. Она использует метафору «путь на Восток», которая в культурном сознании европейца означает обретение высшей мудрости [8, с. 261]. Другая статья Е.А. Папковой посвящена восприятию творчества Вс.Иванова в русском зарубежье [9], которое возлагало большие надежды на Вс.Иванова. В эмигрантских кругах он стал известен с 1922 года.

Известный литературовед Г.А. Белая подчеркивает, что понимание творчества Вс. Иванова периода 20-х годов чрезвычайно важно для понимания путей советской литературы. Писатель одним из первых перешел «к «вечным» темам, поставив в эпоху увлечения идеей радикальной «перековки» человека вопрос о таинственной жизни

человеческого духа, об автономности человеческой психики, о сложных связях внутреннего мира личности и исторических преобразований» [10, с. 409], сделав акцент на общечеловеческом. Среди новейших работ глубокий анализ повести с точки зрения ее буддийского содержания мы находим в монографии российского ученого М.С. Уланова, по мнению которого «Возвращение Будды» является произведением «странным» [11, с.103].

Автор данной статьи, отмечая большой вклад этих авторов в научное изучение повести о Будде, ставит перед собой задачу расширить поле этих исследований в контексте идей революции и буддизма и понять суть отмеченной энигматичности этого произведения.

Вс. Иванов – представитель того поколения русских людей, судьбы которых были связаны с революциями и Гражданской войной в России. Писатель прошел трудный жизненный путь, участвовал в Гражданской войне и отразил приобретенный, в том числе боевой, опыт в своем творчестве. В юности покинув дом, он долго скитался по России, пешком обошел чуть ли не всю ее азиатскую часть. С 1917 года участвовал в революционной борьбе, был эсером, меньшевиком, затем членом РСДРП, был среди белых, встречался с Колчаком, был и бойцом Красной Армии, заведующим Отделом информации Омского губисполкома. В 1921 году по приглашению Горького выехал в Петроград, совершив трудное путешествие через всю Россию, разоренную войной.

Исторической основой повести Вс. Иванова «Возвращение Будды» стали события, развернувшиеся в Монголии под влиянием революций 1917 года и Гражданской войны в России. Они вылились в широкое народно-революционное движение 1921 года и установление новой власти, осуществленное при поддержке отрядов Красной Армии. Значимым фактом, нашедшим отражение в этом произведении, является то, что народная революция произошла в буддийской стране. Именно идеи и образы буддизма стали стержнем повести «Возвращение Будды».

Повесть Вс. Иванова не соответствовала канонам советской литературы. Стоит отметить, что в советской краткой литературной энциклопедии в статье, посвященной творчеству Вс.Иванова нет никакого упоминания о повести «Возвращение Будды» [12, с. 35–37].

Главный персонаж повести – университетский профессор Сафонов, специалист по буддизму, представитель той старой дореволюционной интеллигенции, которую Советская власть считала классово чуждой. Иными словами, он, с идеологической точки зрения, личность не только не героическая, но и сомнительная. Наделенный сильной рефлексией, профессор воспринимает Гражданскую войну как бессмысленную, жестокую и со стороны белых, и со стороны красных. Но события повести вовлекают его в круговорот Гражданской войны.

Действие повести начинается в Петрограде 16 ноября 1918 года: в квартире Сафонова появляется некий монгол по имени Дава-Дорчжи, одетый в солдатскую шинель, но, как становится ясно позднее, он – офицер русской армии, выпускник Омского кадетского училища. Дава-Дорчжи рассказывает Сафонову, что в его родовом аймаке в XVII веке жил великий буддийский святой, после смерти которого люди вместо его останков обрели бронзовую золоченую статую Будды – свидетельство того, что в теле святого произошло пробуждение Будды в этом мире. Позже статуя была вывезена царским генералом в Россию и находится теперь в петроградском музее. Сам Дава-Дорчжи считает себя очередным воплощением Будды (то есть гыгеном), поэтому перед ним стоит великая задача – вернуть эту статую в свой аймак. Для воплощения своих замыслов он стремится заручиться поддержкой Сафонова как известного специалиста-востоковеда.

Дава-Дорчжи обратился в Наркомат по делам национальностей и получил согласие вернуть статую Будды монгольскому народу во имя принципа национального объединения и самоопределения народов. Эта акция проходила под лозунгом «Да здравствует международная революция и раскрепощение трудящихся Востока!», который демагогически использовал в своих целях Дава-Дорчжи. В качестве лиц для сопровождения статуи в Монголию Наркомнац решил отправить вместе с Дава-Дорчжи политкомиссара Анисимова и эксперта по истории Востока профессора Сафонова.

Осознавая свою слабость и невозможность отказаться от поездки, Сафонов размышляет: «И почему, собственно он согласился ехать?.. Поздно проснувшаяся страсть к путешествиям, скука, стремление к пище или желание сделать добро монголам? А в чем добро? В статуе? Статуя – это лишь металл и сама по себе никакого добра не несет. «А какое ж добро несешь ты, профессор? У политрука добро скромного размера – и все-таки, пожалуй, добро. А у тебя?»» [13, с.49–50]. Профессор видит неискренность, лживость, интриги и происки Дава-Дорчжи, но вопреки своей воле принимает это назначение. На шестом десятке лет на поезде через всю Россию он отправляется в далекую Монголию.

Дальнейшее действие повести разворачивается как путешествие Сафонова, и все события представлены через призму его восприятия. Через видение Сафонова из движущегося поезда на страницах произведения возникают образы солдат, бандитов, рабочих, женщин, безликой толпы. Сафонов наблюдает жизнь представителей самых разных социальных слоев. Эти образы зачастую изображены весьма схематично, порой едва намечены, но благодаря эффекту движения поезда они создают глубокие и многоплановые картины, возникает образ народа, по сути дела, всей России.

Движение поезда позволило Вс. Иванову создать произведение чрезвычайно насыщенное бытовыми эпизодами, картинами, образами. Герой повести становится не только свидетелем, но и участником разрушения вековых устоев, традиций и культуры. Как пишет о революционном творчестве Вс. Иванова Д.П. Святополк-Мирский: «Он мастер массовых сцен и атмосферу Гражданской войны, когда вся страна стоит дыбом и каждый каждому враг, когда человек не знает, кого больше бояться – стаи волков или вооруженного человека, – передает с большой силой» [3, с.801]. Вагон поезда становится пространством, где сплелись воедино судьбы профессора, Дава-Дорчжи, монголов-охранников. Доминантой этого пространства является позолоченная, инкрустированная золотыми полосами медная статуя Будды. Все дальнейшие события разворачиваются вокруг этой статуи.

Сафонов, посвятивший всю свою жизнь просвещению, созиданию и сохранению культуры, внутренне восстает против революционного насилия и потрясений. Но будучи человеком культуры, он начинает воспринимать свою поездку как важную миссию по сохранению культурных ценностей: «Безглазой дикой тьме мы противопоставим омытое европейской пытливостью благословенное, настойчивое шествие вперед. Наши сердца! Я пока не знаю, куда... но хотя бы провести Будду через водопад...мор и голод...» [13, с.51].

Во время своего путешествия он, сталкиваясь и с красными, и с белыми, и с зелеными, в полной растерянности размышляет: «Станционные колокола звонят России похоронную <...> Будет же что-нибудь выдвинуто в противовес этой неорганизованной тьме, этому мраку и буре. Неужели же кровь и смерть? Неужели такое же убийство, как и у них? Генералы будут вешать, расстреливать, грабить коммунистов... Коммунисты будут восставать и расстреливать генералов, и колокола будут звонить все меньше и меньше, буфера вагонов занесет снег... Дава-Дорчжи, для чего нам даны сердца?» [13, с.50].

Профессор все более осознает, что Дава-Дорчжи наполнен какими-то темными планами и везет его для своих, может быть, грабительских целей. В действительности Дава-Дорчжи мечтает сохранить свое богатство, которое находится под угрозой экспроприации. Возвращение статуи Будды станет для него своеобразной охранной грамотой. Обладание статуей – это сильнейшее средство воздействия на религиозное сознание населения.

Во время этого путешествия Дава-Дорчжи заболевает тифом. Профессор ухаживает за больным, голодая сам, отдает ему еду и тем спасает жизнь того, кто с самого начала обманывал профессора, а в условиях голода тайком от него поедал пищу. Именно во время болезни происходит глубокая внутренняя деградация Дава-Дорчжи, расчеловечивание, отразившееся и в его внешнем облике: Сафонов видит, что в нем начинают проступать грубые животные черты. Профессор, напротив, воплощает в себе человеколюбие, порядочность, самоотверженность и сострадание, которые в буддизме являются важнейшими добродетелями. Сафонов переживает внутреннюю трансформацию: его лицо приобретает восточные черты, он становится похожим на китайца. Мысли профессора все более устремлены к буддизму: «Есть какое-то возмездие за наши поступки», ведь как ученый-буддолог он хорошо знаком с положением буддийского учения о воздаянии, но важно, что его теоретические познания переходят теперь в глубинный духовный опыт. Идеи буддизма становятся его сущностью. В свою записную книжку он заносит мысль, что жизнь человека часто бывает лишь продолжением его детства, возможно, осознав для себя не случайность, а закономерность и даже необходимость всего происходящего с ним. Он подчиняется естественному ходу событий: «Ах, этот поток жизни! Как он странен, непонятен и одновременно певуче нежен и кипуч!» [13, с.51].

Об этом свидетельствуют и слова профессора, осознающего, как труден его жизненный путь. «Я преодолеваю большие проходы, огромными камнями заложен мой путь. Цивилизация, наука, с ревом разрывающие землю... от пустой мысли, что являюсь одним из властителей земли... это глупая, гордая мысль, может быть, – самое важное, от нее труднее всего оторваться... Это блестящий, бесцельный, глупый колпак на голове. <...> укрепление одной моей души будет самая великая победа, совершенная над тьмой и грохотом, что несется мимо нас – и мы с ней, по-своему разрезая ее. Спокойствие, которое я ощущаю, все больше и больше... чтоб сердце опускалось в теплые и пахучие воды духа...» [13, с.64]. Профессор отрешается от борьбы красных и белых, для него уже неважно внешнее, а только внутреннее брение, внутренний выбор, устремленный на выполнение своей миссии, которая, по сути, является миссией буддийской.

Тяготы пути и перенесенный тиф приводят Дава-Дорчжи не только к отказу от всяких притязаний на статус перерожденца, но и от желания довести статую Будды до Монголии. Он заявляет, что у него была не болезнь, а новое воплощение, что он теперь не гыген, не Будда, с духом которого он расстался навсегда. Дава-Дорчжи идет на службу к большевикам, привлеченный пайком и теплой одеждой. В основе этого поступка так же, как ранее в стремлении вернуть статую Будды в Монголию, лежит только корысть и жажда обладания материальными благами. И прежде чем покинуть вагон, Дава-Дорчжи совершает кощунственный с точки зрения буддиста акт: он приказывает сбить позолоту со статуи Будды, продает это золото и тем самым окончательно порывает с буддизмом. Но ведь ранее и Сафонов в минуту отчаяния и голода снял золотую проволоку со статуи, но не смог воспользоваться этой ценностью для

себя и впоследствии употребил ее на то, чтобы нанять верблюдов для доставки статуи в Монголию. Казалось бы, внешне схожие поступки гыгена и профессора имеют разный внутренний смысл.

Голод и возможность получать паек приводят Дава-Дорчжи и всех его спутников в Красную Армию. Сафонов остается один и дает клятву – если Дава-Дорчжи не прошел положенный ему путь, то он не свернет с него и довезет статую Будды до границы, чтобы передать ее представителям монгольского народа. Эта твердость и решимость профессора определила его состояние внутреннего духовного освобождения, что отражают слова из эпиграфа к последней главе повести: «Я долго был в клетке».

Для писателя важно сравнение двух персонажей – Сафонова и Дава-Дорчжи, причем это сравнение оказывается не в пользу последнего. И хотя Дава-Дорчжи вступает в Красную Армию, отказавшись от буддизма, писатель безжалостно срывает с него все маски, не скрывая ни его демагогии и хитрости, ни корысти, и цинизма. Сопоставляя их, а точнее противопоставляя, Иванов всем ходом развития сюжета показывает, что побеждают не идеи революции, а иные, буддийские.

Таким образом, в оценке событий революции и Гражданской войны проявляется определенное «двоемирие» писателя. Сложное и противоречивое соединение идей революции с идеями, образами и символами буддизма, включая элементы мистики, становится источником восприятия повести как «загадочной» и «странной».

На завершающем этапе своего пути через Семипалатинск, передвигаясь на верблюдах по пустыне, профессор ощущает, как проста, ясна, радостна его жизнь. И он глубоко верит в то, что проведет Будду через пески и степи, его намерения тверды. В буддизме намерения человека придается большое значение, даже если они не осуществлены: «Действия – это ум и намерение» [14, с. 59]. Эта часть пути – вершина духовного взлета Сафонова, а все путешествие можно уподобить странствию-испытанию, которое всегда предполагает свободный выбор героя. Во время этого путешествия постепенно раскрывается его огромный внутренний духовный потенциал. И именно в этот момент профессора тяжело ранят бандиты и оставляют умирать в пустыне рядом с изуродованной медной (а не золотой – как они предполагали) статуей Будды. Сафонов умирает рядом с Буддой – над ними одно молчаливое небо, подними – песок. Трагическая гибель профессора закономерна: реальность того времени не оставляла места такому герою, который по своей внутренней сути, нравственным ценностям и устремлениям был уже вне и выше всех общественных противостояний и противоборств.

Финал повести трагичен. Подобно многим буддийским подвижникам Сафонов жертвует собой во имя великого дела. Завершая повесть, писатель усиливает именно буддийский аспект. При этом следует отметить, что, согласно буддийскому учению, благие действия, совершенные человеком в этой жизни, ведут к его следующему благоприятному рождению. Иными словами, существует другой, глубинный уровень прочтения повести. На это обратил внимание в своей работе и М.С. Уланов [11, с.106].

Образ Будды в повести как символ вечности бытия и высшей справедливости резко контрастирует с жизнью людей, их страстями и пороками, войной и насилием.

Вс. Иванов вводит в повесть элементы мистики, связанные с буддизмом. Неуловимо тонкими приемами он создает впечатление, что дух Будды покинул недостойного Дава-Дорчжи и вселился в Сафонова, обнаружившего верность долгу и преданность идеям буддизма. Следует при этом отметить, что мистические аспекты не воспринимаются однозначно, они могут получить вполне реальную трактовку: два героя – две позиции, выполнение долга и отказ от него. Автор здесь тонко скользит на грани реального и мистического.

Для писателя важно показать эволюцию своего героя в контексте событий революций и Гражданской войны. В начале повести профессор Сафонов выражает свое кредо следующим образом: «Но ведь ясно, что в революцию необходимо, в целях самосохранения, сидеть дома и быть одиноким. Если одинок, то сосредоточься на самом себе, будешь заботиться только о себе самом» [13, с.23]. Все последующие события, происходившие в вагоне, а также открывшееся огромное пространство России, размышления и наблюдения профессора меняют его эгоцентрическую установку и направляют все его устремления на благо неизвестного ему монгольского народа, на передачу статуи Будды как безусловной ценности. Эту задачу он начинает воспринимать как свою жизненную миссию. В буддизме действия человека на благо других существ считаются высшей добродетелью. Писатель подводит читателя к мысли, при этом мистифицируя его, что сила и дух Будды перешли от гыгена к профессору, от человека, не выдержавшего испытаний, к тому, кто стал воплощением так называемого неконцептуального (термин, принятый в буддизме), то есть глубинного, искреннего, бескорыстного поведения, необусловленного личной выгодой и эгоизмом. Эта идея зашифрована и в эпиграфе к первой главе повести: «...Один Будда является в бесчисленных видах, и в каждом из бесчисленных видов – является Будда».

Сложная, насыщенная буддийскими образами и символами повесть отражает всю сложность мировоззрения и замысла писателя. Интересно в связи с этим вспомнить замечание писателя В. Каверина, относящееся к двадцатым годам, времени его близкого общения с Вс. Ивановым. В словах Каверина обнаруживается и общий общественный настрой, связанный с интересом к буддизму, и скрытая отсылка к самой повести. Каверин пишет, что Иванов «почти не вмешивался в наши споры. Мудрое спокойствие, которым он отличался подчас, давало нам повод сравнивать его с Буддой» [15, с. 47]. Интересным и важным фактом биографии Иванова является то, что еще в юности он увлекся буддизмом, изучал йогу [9, с. 263]. Глубокое и тонкое понимание писателем идей буддизма нашло отражение в тексте повести.

Обращение к теме революции делает произведение актуальным и созвучным своей эпохе. Обращение же к идеям и образам буддизма связывает повесть с литературой Серебряного века, которой присуще сильное увлечение восточными религиозно-философскими учениями, в том числе и буддизмом. Тщательно разработанный буддийский аспект повести предполагает и соответствующего читателя, воспитанного всей культурой конца XIX– начала XX века, насыщенной идеями, образами, символикой Востока.

Писатель создал интересное произведение, в котором соединились авантурный сюжет, экзотический буддийский материал, включенный в контекст событий революций и Гражданской войны. Но постепенно Гражданская война, противостояние красных и белых отступают. Со страниц повести исчезают все персонажи, остается только профессор, и становится ясно, что на первый план выходят вечные проблемы: проблема жизни и смерти, этического выбора человека. Этот этический выбор профессор делает, обратившись к буддийскому учению. Его героизм проявляется, прежде всего, в сфере духа.

Осмысление революционной эпохи писатель переносит из сферы классово-социальной, идеологической в сферу духовную и философскую, связав при этом идеи революции с идеями буддизма.

Эта повесть – свидетельство активного участника и внимательного наблюдателя событий революции и Гражданской войны, времени физических и духовных испытаний, когда одни отвергали нравственные ценности, другие отстаивали их даже ценой собственной жизни.

Список литературы

1. Шкловский В. Гамбургский счет. М.: Советский писатель, 1990. – 544 с.
2. Милков П.Н. Очерки по истории русской культуры в 3 т. М.: Прогресс, 1994. Т. 2. – 416 с.
3. Святополк-Мирский Д. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. Новосибирск: Свинья и сыновья, 2009. – 872 с.
4. Слоним М. Всеволод Иванов // Слоним М. Портреты советских писателей. Париж: Парабола, 1933. С. 62–73.
5. Иванова Т. Три авантюрные истории // Иванов Вс. Возвращение Будды. М.: Правда, 1991. С. 3-16.
6. Кириллова И.В. Иванов и проблема соотношения эмоционального и рационального в литературе 20-х годов (от «Возрождения Будды» к «Тайному тайных») // Литературная группа «Серapiоновы братья»: истоки, поиски, традиции, международный контекст. СПб.: Ин-т рус. лит. РАН, 1995. С. 44–46.
7. Краснощекова Е. Поиски – несозвучные эпохе // XX век и русская литература. М.: РГГУ, 2002. С. 140–149.
8. Папкина Е.А. Путь на Восток в произведениях Б. Пастернака «Доктор Живаго» и Вс. Иванова «Возвращение Будды» // Любовь пространства: Поэтика места в творчестве Бориса Пастернака. М.: Языки славянской культуры, 2008. С. 261–269.
9. Папкина Е.А. Путь Всеволода Иванова в критике русского зарубежья 1920-х гг. // От Бунина до Пастернака. М.: Русский путь, 2011. С. 208–217.
10. Белая Г.А. Дон Кихоты революции – опыт побед и поражений. М.: РГГУ, 2004. – 623 с.
11. Уланов М.С. Буддизм в русской культуре конца XIX – первой половины XX века. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2006. – 116 с.
12. Краткая литературная энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 35-37.
13. Иванов Вс. Возвращение Будды. М.: Правда, 1991. – 480 с.
14. Гампопа Дже. Драгоценное украшение освобождения. СПб.: Карма Йеше Палдрон, Уддияна, 2001. –340 с.
15. Каверин В. Воспоминания и портреты. М.: Советский писатель, 1973. – 335 с.